

УДК 81'23: 316.276

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-45-52

ЗООМОРФНЫЙ КОД В ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Марина Васильевна Румянцева**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков****Уральский государственный аграрный университет**

620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42. m.rumjanzewa@rambler.ru

SPIN-код: 6078-2062

ORCID: 6078-2062

ResearcherID: <http://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

Статья поступила в редакцию 28.05.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Румянцева М. В.* Зооморфный код в языковой образности художественной картины мира русских и казахских писателей // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 45–52. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-45-52**Please cite this article in English as:**Rumyantseva M. V. Zoomorfnyy kod v yazykovoy obraznosti khudozhestvennoy kartiny mira russkikh i kazakhskikh pisateley [The Zoomorphic Code in the Linguistic Imagery of the Artistic Picture of the World in Works by Russian and Kazakh Writers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 45–52. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-45-52 (In Russ.)

Представлен лингвокультурологический анализ сравнительных конструкций художественных произведений русских и казахских писателей первой половины XX в. на предмет выявления содержащихся в них в качестве агента сравнения лексем, номинирующих объекты дикой фауны, которые содержат следующие категории: животные, птицы, рыбы.

Исследование является попыткой определить значение зооморфных универсалий в жизни народа, а также установить стратегии именования в языке, т. е. понять, какие свойства воспринимаются и отражаются в человеческом сознании, когда речь идет об определенном объекте животного мира. Природные универсалии рассматриваются как составная часть универсалий этнических, связанных с местом существования этноса. Отмечается, что традиционность природной универсалии определяет стабильность ее вхождения в языковую и культурный фонд этноса и объем ее ассоциативных связей. Все области существования этноса реализуются в языке в виде системы культурных кодов, базовыми среди которых являются временной, пространственный, соматический, предметный, биоморфный и др.

Исследование выявило, что в русской литературе зооморфный код представлен наименованиями зверей – объектами охотничьего и рыбацкого промысла (заяц, тетерев, ерш). Для русского сознания важна утилитарная функция дикого животного: животные являются источником продуктов питания, материалом для изготовления предметов быта. Для казахского менталитета важна проективная функция: наделение животных человеческими чертами. Идентификация себя с животными существует как результат усвоения исторического культурного опыта, корни которого уходят в глубокое прошлое, где существовал тотемный культ зверей (волк, беркут, змея).

Проблема языковой картины мира тесно связана с проблемой сравнения как одним из способов ее создания. Сравнение представляет особый интерес для лингвистов, психолингвистов, а также культурологов, так как отражает одновременно этнические стереотипы мышления и индивидуальный взгляд на мир, являясь отражением оппозиции человек – окружающий мир.

Ключевые слова: язык; культура; языковая картина мира; зооморфный код культуры; метафорическое сравнение.

Окружающий человека мир, животный и растительный, а также географические и климатические условия местности, являющиеся основой лингвокультурной ситуации, оказываются определяющими для формирования этнической модели или картины мира. Как утверждает Д. Г. Мальцева, «первое, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он живет и вершит свою историю» [Мальцева 1990: 54]. Ей вторит А. Т. Хроленко: «Природа, климат, рельеф местности, где складывается этнос, – все это способствует появлению «стереотипа поведения», именуемого национальным характером» [Хроленко 1996: 87]. Все области существования этноса (природа, мифология, религия, нравы и обычаи, наука и др.) репрезентируются в языке в виде некоей системы культурных кодов. Код культуры – это «сетка, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует и оценивает его» [Красных 2002: 232]. Коды культуры соотносятся «с древнейшими архетипическими представлениями человека» [там же].

При переносе характеристик из одного кода в другой в языке происходит создание вторичного наименования. Это символы, фразеологизмы, метафоры, а также образное (метафорическое) сравнение. Метафорические сравнения интересны тем, что, создавая новое знание, они сопоставляют разные категории, соизмеряя мир с объемом имеющихся у человека знаний и представлений, с системой этнокультурных ценностей, т. е. человек здесь – мера всех вещей. «Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, соответствуют таким смысловым признакам переосмысленного значения, которые соотносятся с фоновыми знаниями носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения, с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно-определенных стереотипов» [Ахманова 1977: 47]. Средства компаративности актуализируют языковую картину мира, помогая тем самым человеку постигать окружающий мир.

Как отмечает В. В. Красных, базовых культурных кодов существует немного, они универсальны. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2002: 232]. В современной лингвокультурологии отсутствуют единые принципы классификации культурных кодов. Г. А. Багаутдинова выделяет антропоморфный, биоморфный, анимичный, объектный, мифологический, темпоральный коды [Багаутдинова 2007]. М. Л. Ковшова предлагает тематический принцип классификации, в

результате чего возникают космический, соматический, пищевой и другие коды [Ковшова 2009]. В. В. Красных называет такие базовые коды русской культуры, как пространственный, временной, соматический, предметный, биоморфный и духовный [там же: 233].

Видно, что биоморфный код культуры признают многие лингвисты. Биоморфный код культуры есть совокупность наименований человека (антропоморфный код), флоры (фитоморфный код) и фауны (зооморфный или анимальный, териоморфный код).

В данной статье с точки зрения лингвокультурологии проанализируем сравнительные конструкции (отобранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы первой половины XX в.), у которых в качестве референта сравнения находим лексемы, номинирующие диких животных (о домашних животных см.: [Румянцева 2014]). Это позволит нам проследить проявление зооморфного культурного кода в художественных текстах русских и казахских авторов первой половины XX в., а значит, глубже понять языковую картину определенного этноса.

Из обобщающих понятий в русских текстах встретились лексемы *животное*, *птица*, *насекомое*. Следует заметить, что эти лексемы создают размытый образ животного: *...игривая волна вскакивала на берег и бежала к нам, сверкая в темноте пеной, точно животное, которое резвится, пробегая мимо человека (В. Короленко. Сон Макара). ...а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы (К. Паустовский. Подарок).*

В казахских текстах таковыми лексемами явились *животные*, *зверь*, *птица*. Но за обобщающей лексемой здесь находим яркий, выписанный до мельчайших подробностей образ, поэтому все сравнения развернутые, что позволяет в деталях представить описываемого референта. Примечательно, что для казахов большое значение имеет разделение животных на диких или одичавших и прирученных, что и зафиксировано в сравнениях. Глаз казаха завораживают несметные стада одичавших животных, с которыми сравним бурный горный поток: *Издали слышен хрипучий и гулкий голос белогривого потока. А вблизи его ледяное кипение устрашает. Диким холодом, неумной мощью веет от зеленой воды, сплетенной в стремительные струи, невольно отступаешь от берега, и все же не оторвать от воды глаз! ...Кажется, что не волны, а тысячи одичавших животных с оглушительным топотом в паническом ужасе несутся по руслу потока, и спины их громоздятся друг на друга (М. Ауэзов. Выстрел на перевале).* Чувство гордости испытывает казах за

прирученного зверя. Правда, у М. Ауэзова с прирученным зверем сравнивается строптивый бедняк, вынужденный прийти на поклон к баю: *Давно ли Жарасбай показывал Бахтыгула баям, точно прирученного зверя, и те возносили бая, а батрака трепали по плечу, внушали ему, что есть праведный путь* (М. Ауэзов. *Выстрел на перевале*). С большой хищной птицей сравнивается лихой всадник: *Теперь всадник походил на большую крепкозрудую птицу, которая медленно приподнимает крылья. Эта птица – старожил и хозяин здешних мест, горных высей, снежных белков. Вот-вот она расправит крылья, взмоет в небо и повиснет над скалистыми глыбами, бездонными ущельями Алатау, зорко высматривая добычу. Прицелится и вдруг ударит со свистом, схватит и изломает железными когтями* (М. Ауэзов. *Выстрел на перевале*).

Большинство же объектов сравнения в исследуемых текстах – это названия конкретных видов животных, т. к. обыденному сознанию свойственна конкретизация животных, дифференциация их поведения и практической ценности.

Животные. Дикие животные представлены широким спектром наименований. В роли агента сравнения в текстах русских авторов находим названия зверей, являющихся объектом охотничьего промысла: *заяц, медведь, кабан*.

На первом по частоте месте в сравнениях русских авторов стоит заяц как самый распространенный по всей территории России зверь (не случайно он является персонажем почти всех русских сказок о животных). Сравнения отражают различные поведенческие особенности этого животного: бегать, прыгать, метаться, стоять на задних лапах. С зайцем сравнимы другие животные и человек: *Травка даже поднялась на задние лапы, как заяц* (М. Пришвин. *Кладовая солнца*). *Он (мальчишка) же вырвался, прыгнул, как заяц, на прыжке оглянулся и удрал* (М. Пришвин. *Старый гриб*). В сравнениях наблюдается повторение сценария «зайцы мечутся на островке во время половодья» из произведения Н. А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы»: *Весь путь до Раскидухи Живой метался по своей пристани, как заяц по островку, обрезанный половодьем* (Б. Можаев. *Живой*).

Второе место по частотности употребления в роли агента сравнения в русских рассказах занимает медведь. Особое отношение к медведю связано, по всей видимости, с идущей из глубины веков первичной медвежьей магией, возникшей в языческий период истории религиозных воззрений охотников-неандертальцев. Б. А. Васильев отмечает, что культ медведя является чрезвычайно древним, относится к «дошаманскому» периоду в истории религиозных верований. «Медвежий культ (может быть, как самый пер-

вый в истории человечества) оказался необычайно устойчивым. В лесных, богатых медведями местах он дожил до средневековья» [Васильев 1948: 79–80]. По утверждению Б. Рыбакова, «за глубокую древность медвежьего культа говорит и то, что он прочно укоренился у народов, давно ставших земледельческими. <...> У славян до сих пор название этого зверя осталось в древней табуированной, иносказательной форме: «медведь» – «мед ведающий», а исконная запретная форма была, очевидно, близка к североиндоевропейской (немецк. *Bär*), так как зимнее жилище медведя повсеместно в России называется «бер-логой», т. е. «логовом бера». <...> Почти повсеместно медведь называется «стариком», «дедом», «священным зверем»; славяне явно ощущают свою родственную связь с медвежьим родом» [Рыбаков 1980: 60–62].

В отличие от русских народных сказок, где медведь предстает простодушным, глуповатым или добродушным увальнем, в сравнениях исследуемой литературы видим медведя неуклюжим созданием свирепой наружности, проживающим в берлоге, представляющим опасность, если не уснул зимой или разбужен (медведь-шатун): *Терентий – нескладный, как медведь...* (В. Шишов. *Свежий ветер*). *Макар узнал чалганца Алёшку: ему ясно видна была его небольшая коренастая фигура, согнутая вперед, с походкой медведя* (В. Короленко. *Сон Макара*). *Барахтающийся в сугробе егерь походил на медведя, вылезавшего из берлоги...* (Л. Бородин. *Третья правда*). *Взгреб он меня лапщами, да и давай меня корежит, ну чисто медведь-шатун* (В. Белов. *Плотничьи рассказы*). Возникает также образ танцующего медведя, веселящего народ на больших гуляньях: *В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя* (А. Грин. *Алые паруса*).

Среди диких животных – агентов сравнения в русских рассказах – встречается дикий кабан. Это зверь опасный, для борьбы с ним нужна особая сноровка, об этом знает каждый охотник: *Власть, что царил там, везде за пределами тайги, он представлял себе в образе разъяренного кабана, не только четырьмя свинячьими копытами приросшего к земле, но и всей своей неуклюжей плотью. Опасный зверь, нет слов! Но разве нет на него сноровки да смекалки!* (Л. Бородин. *Третья правда*).

В казахских текстах находим больше наименований диких животных, чем в русских. Для агентов сравнений казахские авторы выбирают таких животных, как: *волк, лиса, барс, косуля, лань, кабан, горный козел, еж*. Все они обитают на территории Казахстана.

На первом месте по частоте употребления стоит *волк*. Как отмечает Н. М. Джусупов, «волк

является важной составляющей культурной памяти и менталитета казахского народа». Согласно древней легенде, родоначальницей всех тюрков является синяя (голубая) волчица. В истории тюркских народов имя великого воинственного хана Ашина тесно связано с образом волка. А в китайских летописях названия «тюркский хан» и «волк» употреблялись в качестве синонимов [Джусупов 2011: 125, 127]. Волка отличает завидный аппетит: *Живот у Бахтыгула подвело, как у волка (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). Торговцев из этого каравана – несметное количество. Как голодные волки, рыскают они по базару, ища выгодных покупателей (Д. Досжанов. Отрар)*. Казахам известна кровожадность этого зверя: *Похоже, что каждая кровавая битва, в самом деле, влияет на рассудок хромца! Он уподобляется взбесившемуся волку, который ворвался в овчарню и режет овец одну за одной; больше, чем нужно для прокорма, просто потому, что не в силах остановиться (М. Скакбаев. Поэт хромого Тимура)*. Вот он поднялся на высокую сопку, – за ночь ветер освеживал её, как волк овечку (Д. Досжанов. Серебряный караван). Казахское сознание фиксирует способность волка издавать только один звук – страшный тоскливый вой: *Заунывный, занудливый звук... будто за спиной его завыл волк (А. Кекильбаев. Купы джиды)*. Несмотря на наличие отрицательного компонента значения этого животного, которое определяется жизненными реалиями, тотемическое значение волка для тюрков обуславливает его частотность употребления в качестве эталона сравнения в казахской художественной литературе.

Второе место занимает лиса, известная всем приписываемыми ей хитростью и лукавством: *Мусатай давно сидел, как лисица у входа в нору, обнюхивал носом воздух (С. Шаймерденов. Перелетные птицы)*. Ахан оскалится беззвучно, как лиса (М. Ауэзов. Сиротская доля). С алтайской лисой авторы сравнивают богатство, видимо, имея в виду коварство этого внешне очень красивого животного и опасность, исходящую от него: *...богатство, словно алтайская лиса: взмахнет хвостом и исчезнет вдали, за высокой сопкой (Д. Досжанов. Много ли богатства нужно человеку)*.

Для описания внешнего вида мужчин и женщин используются лексемы барс, кабан и косуля, лань соответственно: *Летел на коне, чернопятнистый от оспы, как барс... (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. *Этот пузатый, исходящий слюной, с узким лбом и коротким, как у кабана, тупым носом, – это же вышедший из могилы Жантай (М. Магауин. Шахан-шер)*. *Иначе как объяснить, что из несметного табуна яркопестрых девок, иньряющих по улицам города,*

точно косули по вольной степи, ни одна тебя не приголубит (А. Кекильбаев. Теплый снег). *«Единственная моя дочь, – сказал он, – выросшая среди старших братьев, как легконогая лань, моя любимица... (М. Магауин. Шахан-шер)*.

Умение и ловкость коня точнее передает сравнение его с горным козлом: *Его Сивый (конь), крепкий, бывалый, привык карабкаться на кручи, ходить над обрывами, он цепок и ловок, как горный козел (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. Кабанным загривком видится автору хвойный лес, а шерсть волка напоминает колючки ежа: *За скалой, подобно кабаньему загривку, щетинился хвойный лес (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. *Плотная жесткая шерсть стояла на нем, как колючки на еже (М. Ауэзов. Серый Лютый)*.

Среди агентов сравнения казахских писателей встречаются рептилии и пресмыкающиеся черепаха, змея, ящерица. Большинство таких сравнений базируется на внешнем сходстве референта и агента или на сходстве в манере поведения: *Один конец дороги, извиваясь как змея, спускался в озеро... (С. Муканов. Золотой край)*. *Узкие, как змеиная головка, длинные пушистые листья (А. Кекильбаев. Купы джиды)*. *...подружки... пошли тихим шагом, словно песчаные черепахи, в Кызылкумы следом за овцами... (Д. Досжанов. У тигра своя тропа)*. Присутствуют сравнения, где в качестве модуса сравнения взяты умения животных быть тихими и неприметными: *Сняв со спины кремневку, он, подобно ящерице, неслышно, неприметно, стал красться по гребню котловины (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. Ряд сравнений рисует нам змею как опасного ядовитого гада: *Он выругался, отбросил перо, на кончике которого вертелись лишь ядовитые, будто жало змеи, слова (М. Скакбаев. Поэт хромого Тимура)*. *Язык у муллы, что жало змеи. Говорит сладко, жалит больно (Д. Досжанов. Много ли богатства нужно человеку)*.

Особый интерес вызвало следующее сравнение: *...его жилище всегда отличалось необыкновенной опрятностью. О таком степняки говорят: будто змеёй вылизано – все блестит и сверкает (А. Кекильбаев. Купы джиды)*. По всей видимости, наличие такого сравнения в казахской литературе следует объяснять существованием культа змеи в языковом сознании тюркских народов, о котором пишет С. Кондыбай: «До сегодняшнего дня это животное сохранило значимое место в верованиях казахов. Наряду с обладанием тайным знанием и магией, казахи приписывают змее роль покровителя и помощника. Иначе говоря, культ змеи – одна из главных черт мифологии предказахов. В мифологическом миропонимании казахов и некоторых других тюркских народов есть разновидность «үй жыланы»

(домашняя змея) и «жұрт жылань» («йорт еланы» – «змея стоянки, поселения»). В казахских верованиях, легендах и сказках часто повторяется мотив об угощенной молоком змее, в благодарность помогающей по дому и приносящей хозяевам дома счастье и богатство» [Кондыбай 2008: 257]. Следовательно, у казахов, как и у многих народов, имели место представления о злых и добрых змеях. По мнению исследователей, «оберегающих змей мы должны считать именно ужами, так как у греков, армян, украинцев, белорусов, литовцев, болгар и сербов мы тоже встречаем древний культ ужа. Ужей держали в домах, поили молоком, почитали как священное существо, покровителя дома, огорода и полей» [Афанасьев 1965: 538–551].

Несмотря на двоякое отношение к змее, культ этого животного продолжает свою жизнь в казахском языковом сознании. Подтверждением тому может являться сравнение со змеей такой базовой категории восприятия мира, как время: *Время, казалось, потеряло протяженность, упругость. Как раненая змея, ползло оно, то растягиваясь, то сжимаясь* (М. Магауин. *Шахан-шер*). Заметим, что в своих исследованиях Б. А. Рыбаков пишет об аналогичном представлении о змее (точнее, об уже) у древних славян: «Ужи – покровители дома, посредники между небом и землей, кроме того, так же как и солнце, являлись показателем времени, что связано с сезонным «умиранием» и «оживанием» змей, т. е. с ритмом осенне-зимней спячки и весеннего пробуждения» [Рыбаков 1980: 130].

Птицы. Полезность для русского охотника представляет птица тетерев, одна из самых крупных промысловых птиц, особый интерес вызывает тетеревиный весенний ток: *...самовар уже булькал у шестка, словно разгулявшийся весенний тетерев* (В. Белов. *Плотницкие рассказы*).

Не приносящие пользу, но повсюду встречающиеся русскому человеку птицы – это воробей, ворона, грач, галка, чайка, ласточка. Но сравнения с данными объектами единичны. Важным для русских писателей оказывается их размер и, в отличие от домашних птиц, умение хорошо летать: *Курица эта летала, как ворона...* (К. Паустовский. *Жильцы старого дома*). *Бекас – это болотная птичка, серая, величиной в два воробья* (М. Пришвин. *Знакомый бекас*). *Рябчики... маленькие, с воробья, а уже отлично летные и сторожкие, совсем как большие* (М. Пришвин. *Около гнезда*). Отличительным признаком грачей и галок является их умение громко и дружно кричать (галдеть), что тоже фиксирует народное сознание: *Ребятишки день-деньской кричат, как грачи, на тополиной горке – кто в городки играет, кто в лапту...* (Б. Можжаев. *Живой*). *А бабы, будто галки за плу-*

гом, с галдецей, коли еще не притомились, или уже молча к закату дня, всё собирают и собирают свеклу в корзины... (Е. Носов. *Шуба*). Чайка восхищает своим умением ловить рыбу, для чего нужны скорость и точность движений: *И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб* (А. Грин. *Алые паруса*). Ласточка всегда была символом женской грации и легкости: *Ассоль была выразительно легка и чиста, как полет ласточки* (А. Грин. *Алые паруса*).

Особое место среди птиц занимает голубь, символизирующий душу, духовную любовь, милосердие в христианстве. Все сравнения с агентом голубь в русских текстах носят только позитивную окраску: *Голубем встрепенулась радость в груди: или это день прибавляется, и вечером голубеют снега, и открывается тайная дверь, и в нее за крестную муку народа проходит свет голубой и готовит отцам нашим воскресенье?* (М. Пришвин. *Мирская чаша*).

Самой распространенной лексемой – агентом сравнения, номинирующей птиц в казахских рассказах, явилась лексема беркут. Ассоциации беркута – самого крупного орла – со священной птицей господствовали во многих культурах. Наибольшее распространение в культуре казахов получило значение беркута как олицетворения мужества, величия и победы: *...Балуан Шолак, словно беркут, рывком глотнувший баранью кость, нагнул голову, мотнул ею, и руки Битабара с треском отлетели в стороны* (С. Шаймерденов. *Перелетные птицы*). Не менее важное значение для кочевых народов имела традиция охоты с беркутом, которая имеет очень древнюю историю. Об этом свидетельствуют петроглифы, найденные на территории соседней Монголии и относящиеся к периоду бронзового века. Восприятие беркута как хищной охотничьей птицы видим в следующих сравнениях: *Теперь пес походил на беркута, высматривающего со скалы добычу* (М. Ауэзов. *Серый Лютый*). *Длинные вислые его усы над вступшими лихорадочно горевшими губами подчас смахивали на крылья беркута, прижавшего к снегу рыжую лису* (М. Ауэзов. *Выстрел на перевале*). Среди кочевых народов Северной Азии эта птица имела значение в шаманизме и считалась помощником шамана, воплощением Духа. Фигуры летящих орла и беркута изображались на тыльной стороне шапки шамана. На плечах – украшения, пучки перьев беркута, символизирующие двух беркутов или двух орлов, – считалось, что эти птицы являются посредниками между людьми и духами. К беркуту обращался шаман в своих призывах – «с луновидными крыльями, черный мой беркут» [Орел 2013: 333]. Принимая во внимание

этот факт, становится понятным смысл сравнения: *«Ну вот, невестушка... сторожила-берегла я очаг единственного сына от чужого глаза и недобрых слов, словно дряхлая орлица свое гнездо»* (А. Кекильбаев. *Теплый снег*).

Среди других объектов сравнения, обозначающих птиц, в творчестве казахских писателей встретились лексемы *ласточка, лебедь, ворона, индюки-улары, куропатка, дрофа, журавль, дикий гусь*. Примечателен тот факт, что вместо привычного для нас сравнения пригожей девушки или женщины с ласточкой у С. Шаймерденова находим сравнения сильного, проворного мужчины с этой изящной птицей: *Посмотришь на парня – кулаком камень расплющит, а на ногу быстр и ловок, как ласточка на лету* (С. Шаймерденов. *Перелетные птицы*). А вот красивых девушек казахские авторы сравнивают с лебедями: *Девушки вспорхнули, словно лебеди, и рассыпались, кто куда...* (Д. Досжанов. *Отрар*). Сравнивая пожилого человека с вороной, автор, по-видимому, имеет в виду нереспектабельного человека, его склонность к уединению: *«Эй, старик, иди сюда. Что сидишь на отшибе, словно старая ворона на навозной куче?»* (О. Сарсенбаев. *За пустынным горизонтом*). Людской гомон похож на голоса горных индюков: *...уже собравшиеся сесть за ужин жители аула зашумели. Заголосили, как гонные индюки-улары* (К. Муханбеткалиев. *Закрытый враг*). С пойманной куропаткой сравнивается сердце человека, испытывавшего чувство сильного эмоционального переживания: *Сердце бешено заколотилось в груди, как пойманная куропатка* (С. Шаймерденов. *Перелетные птицы*). Очень яркий образ возникает при сравнении мыслей человека со степными дрофами: *Думы черной старухи разбредаются, как дрофы в степи* (А. Кекильбаев. *Теплый снег*).

Рыбы. В казахской литературе наименования рыб редко встречаются в роли агента сравнения. Нами найдены лексемы *щука, кит* – исполин океанских вод, *сом* – великан вод речных и *сазан*. Все лексемы привлекаются для создания образных сравнений: *Пронырливый и хитрый Мусатай был в своей стихии, чувствовал себя, как щука в реке* (М. Сундетов. *Аул в песках*). *Он бугрился на песке, точно кит, выброшенный морем на берег* (О. Сарсенбаев. *За пустынным горизонтом*). Объектами рыбацкого промысла являются сомы и сазаны: *...или взять Сырдарью – то она несется буйным потоком, бьется, словно пойманный в сети могучий сом* (Д. Досжанов. *Серебряный караван*). *Горе охватило всех, от мала до велика. Мужчины дубасили себя кулаками по головам, бились, точно сазаны, угодившие в сеть* (А. Кекильбаев. *Баллада забытых лет*). Мерцающие на ночном небе звезды сравнимы в

казахском языковом сознании с морскими рыбами: *Блестят, подмигивают звезды, похожие на рыбок в серебристой чешуе, плывущих по спокойной и темной морской глади* (М. Сундетов. *Аул в песках*).

В русских рассказах наименования рыб встречаются тоже не часто. Это в основном обитатели рек: *ерш, щука, налим, пескарь, карась*. Так, у Э. Шима находим сравнение маленьких елочек с ершами, в основе которого лежит «колючее» качество и тех и других: *...везде на старых бороздах и холмиках поднимаются крохотные елочки, будто зеленые ершики* (Э. Шим. *Цветной венок*). Со щуками В. Шишов сравнивает русских мужиков в представлении женщин: *Давайте, товарищи, удочку закинем и будем мужиков ловить, как щук* (В. Шишов. *Свежий ветер*). Черных от пыли и копоти рабочих А. Чапыгин сравнивает с налимами, видимо, принимая во внимание темный цвет этих рыб: *...два черных человека, словно большие налимы, неслышно соскользнули с полка* (А. Чапыгин. *Лободыры*). Примечательно сравнение М. Пришвина, в котором он ассоциирует представителей разных этносов в Крыму с разными видами рыб в обмелевшем пруду: *Турки, армяне, греки, татары скоро смешались для нас в одну толпу, кипели остатки великого передвижения народов, как в спущенном пруду пескари, караси, головастики, и над ними с горы дедушка-скиф свесил свою белую бороду* (М. Пришвин. *Славны бубны*).

Встречаются и обобщающие лексемы, номинирующие такие породы рыб, как лососевые и сиговые, толк во вкусе которых русский человек знает испокон веков: *...жившие в этих местах казались непосвященным горожанам людьми изысканного сорта, людьми особенными, отмеченными Божьим перстом; это как бы из рыбьей мелочевки ты сразу попадал в разряд вежливых и почитаемых, и хоть перескакивая в семью пусть и не лососевых, но в сиговые породы точно* (В. Личутин. *Сукин сын*). Есть в сравнениях и привычная нам сельдь: *Кипит люд на площади, будто сельди в Белом море* (М. Пришвин. *Крутой арский зверь*).

Таким образом, в роли агента сравнений выступают те животные, которые выполняют для человека как представителя того или иного этноса определенные функции. Самая важная функция для русского человека – это функция утилитарная: животные являются источником продуктов питания, а также материалом для изготовления предметов быта (заяц, медведь, тетерев, ерш). Для казахского сознания не менее важной является функция проективная: наделение животных человеческими чертами, мыслями и чувствами. Идентификация себя с животными существует как результат усвоения исторического

культурного опыта, корни которого уходят в глубокое прошлое, где существовал тотемный культ животного (волк, беркут, змея).

Проблема языковой картины мира тесно связана со сравнением как одним из способов ее создания. Сравнение представляет интерес не только для лингвистов, но и для психолингвистов, этнолингвистов и культурологов, так как отражает одновременно этнические стереотипы мышления и индивидуальный взгляд на мир, являясь отражением оппозиции *человек – окружающий мир*. Познание окружающего мира и самопознание нельзя представить без образного мышления. Понимание себя как части мира и мира как самого себя, уподобление одного фрагмента реальности другому, отбор одной частицы концептосферы для сравнения ее с другой – это главные механизмы образования множества концептов, которые в результате образуют единую картину мира.

Список источников

Ауэзов М. Племя младое // Избранные произведения. Алма-Ата: Жазушы, 1977. 520 с.

Белая аруана. Казахские рассказы. М.: Худож. лит., 1976. 471 с.

Караван выходит на рассвете: Казахские исторические повести. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 432 с.

Паустовский К. Повести и рассказы. Л.: Худож. лит., 1985. 320 с.

Пришвин М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Мои тетрадки. М.: Худож. лит., 1957. 724 с.

Русская проза первой половины XX века: в 2 т. М.: Дрофа, 2003.

Список литературы

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. М., 1965. Т. 1. 736 с.

Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47.

Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 45 с.

Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 79–104.

Джусупов Н. М. Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011. 218 с.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.

Кондыбай С. Мифология предказахов. Кн. 3 / пер. с каз. яз. З. Наурызбаевой. Алматы, СаГа, 2008. 436 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Мальцева Д. Г. Национально-культурный аспект фразеологии: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 520 с.

Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманит. центр, 2013. 592 с.

Пименова М. В. Языковая картина мира. М.: ФЛИНТА, 2014. 109 с.

Румянцева М. В. К проблеме отображения объективной реальности в языковой образности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 190–195.

Сабитова З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы: Қазақ университеті, 2007. 320 с.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=85956> (дата обращения: 20.08.2018).

Хроленко А. Т. Этническое своеобразие языка фольклора // Проблемы русистики (лексикология и грамматика): тезисы Межрегион. науч. конф. Белгород, 1995. С. 116–118.

References

Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mifologicheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic views of the Slavs on nature: Experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythological tales of other kindred peoples]. Moscow, 1965, vol. 1. 736 p. (In Russ.)

Akhmanova O. S., Gyubbenet I. V. 'Vertikal'nyy kontekst' kak filologicheskaya problema ['Vertical context' as a philological problem]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1977, issue 3, p. 47. (In Russ.)

Bagautdinova G. A. *Chelovek vo frazeologii: antropotsentricheskii i aksiologicheskii aspekty*. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk [Man in phraseology: Anthropocentric and axiological aspects. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Kazan, 2007. 45 p. (In Russ.)

Vasil'ev B. A. *Medvezhiy prazdnik* [Bear holiday]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1948, issue 4, pp. 79–104. (In Russ.)

Dzhusupov N. M. *Tyurkskiy simvol v khudozhestvennom tekste (lingvokognitivnyy aspekt)* [Turkic symbol in fiction text (linguo-cognitive aspect)]. Astana, Saryarka Publ., 2011. 218 p. (In Russ.)

Kovshova M. L. *Semantika i pragmatika frazeologizmov: lingvokul'turologicheskii aspekt*. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk. [Semantics and pragmatics of phraseological units: Linguoculturological aspect. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 48 p. (In Russ.)

Kondybay S. *Mifologiya predkazakhov* [Mythology of the pre-Kazakh]. Transl. from Kazakh by Z. Naurzbaeva. Almaty, SaGa Publ., 2008, vol. 3. 436 p. (In Kazakh)

Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvo-kul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Course of lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.)

Mal'tseva D. G. *Natsional'no-kul'turnyy aspekt frazeologii*. Diss. kand. filol. nauk [National and cultural aspects of phraseology. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1990. 520 p. (In Russ.)

Orel V. E. *Kul'tura, simvoly i zhyvotnyy mir* [Culture, symbols and wildlife]. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2013. 592 p. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Yazykovaya kartina mira* [The language picture of the world]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 109 p. (In Russ.)

Rumyantseva M. V. K probleme otobrazheniya ob'ektivnoy real'nosti v yazykovoy obraznosti

[To the problem of the objective reality reflection in the linguistic imagery]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [CSU Bulletin], 2014, issue 7 (336), pp. 190–195. (In Russ.)

Sabitova Z. K. *Proshloe v nastoyashchem. Russko-tyurkskie kul'turnye i yazykovye kontakty* [The past is in the present. Russian-Turkic cultural and language contacts]. Almaty, Kazak Universiteti Press, 2007. 320 p. (In Russ.)

Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Available at: <http://www.litmir.net/-br/?b=85956> (accessed 16.05.2019). (In Russ.)

Khrolenko A. T. Etnicheskoe svoeobrazie yazyka fol'klora [Ethnic originality of the folklore language]. *Problemy rusistiki (leksikologiya i grammatika). Tezisy Mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii* [Issues of Russian studies (lexicology and grammar). Abstracts of the Interregional sci. conf.]. Belgorod, 1995, pp. 116–118. (In Russ.)

THE ZOOMORPHIC CODE IN THE LINGUISTIC IMAGERY OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD IN WORKS BY RUSSIAN AND KAZAKH WRITERS

Marina V. Rumyantseva

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Ural State Agrarian University

42, K. Libknekhta st., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation. m.rumjanzewa@rambler.ru

SPIN-code: 6078-2062

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

ResearcherID: <http://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

Submitted 28.05.2019

The article presents a linguoculturological analysis of comparative structures in works of fiction by Russian and Kazakh authors written in the first half of the 20th century. The analysis aims to identify lexemes contained in these structures as an agent of comparison and nominating objects of wild fauna such as animals, birds and fish. The research attempts to establish the importance of particular animal universals in cultural life of the ethnos and also to reveal the cognitive strategy of naming in language, i. e. to determine what properties are perceived and reflected in human consciousness when referring to a certain animal. Natural universals are considered as part of ethnic universals connected with the location of a certain ethnos. At the same time, it is noted that the traditional character of a natural universal determines the durability of its inclusion into cultural and language fund of the ethnos and the scope of its associative links. All the areas of the ethnos's existence are reflected in the language as a system of cultural codes, fundamental ones among which are temporal, spatial, somatic, substantive, biomorphic, etc. The existence of the biomorphic code of culture is recognized by many linguists. It is a set of names of man (anthropomorphic code), flora (phytomorphic code) and fauna (zoomorphic code).

The study has revealed that in Russian literature the zoomorphic code is represented by the names of animals that are objects of hunting and fishing. For Russian consciousness, the utilitarian function of a wild animal is important: animals are a source of food and material for making household items. In Kazakh mentality, the importance is attached to the projective function: giving animals human traits. Identification of themselves with animals exists as a result of learning historical cultural experience, whose roots go back to the deep past, where there was a totemic cult of animals.

The problem of the language picture of the world is closely connected with the problem of comparison as a way of creating it. Being the reflection of the opposition between man and the world, it reflects both national stereotypes of thinking and a personal worldview, therefore comparison is of special interest not only for linguists but also for psycholinguists and cultural scientists.

Key words: language; culture; language picture of the world; zoomorphic code of culture; metaphorical comparison.